

AF
Ad fontes **Выпуск 5**
Материалы и исследования
по истории науки

НАУЧНЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Д.и.н. Е.Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков,
д.и.н. С.Н. Искюль, акад. РАН Н.Н. Казанский,
д. философ. н. Э.И. Колчинский, акад. РАН А.В. Лавров,
акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт,
акад. РАН И.П. Медведев, чл.-корр. РАН С.И. Николаев,
д.и.н. И Ф. Попова, акад. РАН И.М. Стеблин-Каменский,
д.и.н. И.В. Тункина (председатель),
акад. Академии надписей и изящной словесности в Париже
В. Шильдц

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Серия AD FONTES

Материалы и исследования по истории науки. Выпуск 5

**ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЗА ПЕРВЫЕ 50 ЛЕТ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
1841–1891 гг.**

Сборник документов

Составители Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова

Отв. ред. И.В. Тункина

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 94
ББК 63.3(2)51
О 815

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Рецензенты:

д-р филол. наук М.Н. Приемышева (ИЛИ РАН),
канд. ист. наук Н.В. Крапошина (СПбФ АРАН)

0815 Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / Составители Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова; отв. ред. И.В. Тункина. — СПб. : Нестор-История, 2016. — 800 с. (Серия: «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». Вып. 5).

ISBN 978-5-4469-10078-6

Сборник посвящен истории научно-организационной деятельности Отделения русского языка и словесности, основу которой составляли исследования, обнимавшие русское языкознание, отечественную словесность и историю, просвещение в России, все отрасли славистики. Представленные документы характеризуют государственную политику по организации академической науки в области гуманитарных исследований, раскрывают усилия отделения по консолидации научных сил, сохранению духовных ценностей и разработке культурного наследия; знакомят с издательской деятельностью отделения, его финансовым положением. В приложении приведены очерк деятельности отделения за первые 50 лет его существования, составленный академиком Я.К. Гротом; документы по истории формирования личного состава отделения; персональный состав отделения за этот период и более 80 иллюстраций. Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Раздел «Отделение русского языка и словесности

Императорской Академии наук в 1841–1891 годы: Исторический очерк», Приложения 1, 2 и 3, иллюстративный материал подготовлены при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII — начале XX в.»).

Книга опубликована на средства Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти:

Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII — начале XX в.»).

ISBN 978-5-4469-10078-6

- © Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова, составление, примечания, комментарии, предисловие, 2016
- © Е.Ю. Басаргина, исторический очерк, 2016
- © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, документы, иллюстрации, 2016
- © Изд-во «Нестор-История», редакционно-издательская подготовка, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук в 1841–1891 годы (Исторический очерк)	13
Учреждение Отделения русского языка и словесности	17
Председательствующий в отделении.....	29
Избрание действительных членов.....	37
Периодические издания	55
Лингвистические работы	58
Издание произведений русской словесности	63
Изучение истории просвещения в России.....	65
Экспертная оценка конкурсных работ	69
Отделение как структурное подразделение Академии наук и проекты его реформы	74
Перечень документов.....	86
Документы.....	105
Комментарии	421

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1.</i> «Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 год. Речь председательствующего в отделении, вице-президента Императорской Академии наук Я.К. Грота» [29 декабря 1891 г.].....	520
<i>Приложение 2.</i> Записки об ученых трудах	540
Бередников Яков Иванович	540
Розберг Михаил Петрович	551
Строев Павел Михайлович.....	554
Шевырев Степан Петрович	564
Поленов Василий Алексеевич.....	572
Лобанов Михаил Евстафьевич	573
Кочетов Иоаким Семенович (протоиерей).....	576
Коркунов Михаил Андреевич.....	579
Срезневский Измаил Иванович.....	588
Норов Авраам Сергеевич	602

Макарий, митрополит (Булгаков Михаил Петрович)	608
Никитенко Александр Васильевич	613
Грот Яков Карлович	617
Дубровский Петр Павлович	628
Павский Герасим Петрович (протоиерей)	634
Билярский Петр Спиридонович	638
Буслаев Федор Иванович	643
Пекарский Петр Петрович	648
Бычков Афанасий Федорович	659
Соловьев Сергей Михайлович	669
Сухомлинов Михаил Иванович	687
Веселовский Александр Николаевич	695
Ягич Игнатий Викентьевич	710
Майков Леонид Николаевич	729
Бестужев-Рюмин Константин Николаевич	741
Лавровский Николай Алексеевич	751
Тихонравов Николай Саввич	759
<i>Приложение 3. Персональный состав Отделения русского языка и словесности в 1841–1891 гг.</i>	<i>769</i>
Действительные члены	769
Почетные члены по Отделению русского языка и словесности	773
Члены-корреспонденты	775
Именной указатель	783

ПРЕДИСЛОВИЕ

*К 175-летию создания
Отделения русского языка и словесности*

Отделение русского языка и словесности Академии наук существовало с 1841 по 1927 год и сыграло большую роль в развитии гуманитарной науки и в истории российской культуры в целом.

Актуальность данного издания, помимо большой познавательной ценности, определяется тем вниманием, которое уделяется организации научных исследований в настоящее время. Это тем более важно сейчас, когда гуманитарные науки превратились в «ахиллесову пяту» отечественной науки, на которую нацелены реформаторские «стрелы».

Основу деятельности Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), Второго, или Русского отделения, как называли его сами академики, составляли исследования, обнимавшие русское языкознание, отечественную словесность и историю, просвещение в России, славяноведение. Отделение ясно осознавало свою национальную задачу и высоко оценивало значение своего существования как ученой корпорации, связанной единством духа, целей и интересов.

Настоящий том является первой попыткой показать в документах деятельность Отделения русского языка и словесности за первые 50 лет его существования. Именно в это время происходило становление этого важного подразделения Академии наук.

Составители ставили своей целью отразить основные направления научно-организационной деятельности Отделения русского языка и словесности, не претендуя на всеобъемлющее освещение темы. В подготовленной публикации представлены 306 документов, которые позволяют проследить развитие ОРЯС как общероссийского центра науки и культуры, дают представление о «совокупных», или коллективных, трудах, выполнявшихся в его стенах, и содержат характеристику его личного состава.

Изучение истории ОРЯС невозможно без анализа государственной политики по организации науки в России и детального изучения нормативно-правовой основы деятельности отделения как подразделения Академии наук. Одним из аспектов научно-организационной деятельности ОРЯС на протяжении второй половины XIX в. было согласование «Положения» об отделении 1841 г. с общеакадемическим уставом, утвержденным в 1836 г. Значительный комплекс документов характеризует данную тематику: это выдержки из проектов нового академического устава и «Положения» об ОРЯС, а также многочисленные записки членов ОРЯС с соображениями о целесообразности преобразований. Обсуждение проектов реформы

стимулировало подготовку нового бюджета (так называемых «штатов»), увеличившего государственные ассигнования на нужды ОРЯС. Ряд документов дает представление о материальном положении членов отделения.

Основной вклад в развитие отделения внесли действительные члены, которые занимались проведением и организацией научных исследований. Поэтому большой комплекс документов сборника посвящен истории формирования личного состава отделения. Если первые 20 членов отделения были назначены министром народного просвещения С.С. Уваровым, то в дальнейшем новые члены избирались по общим академическим правилам, согласно которым необходимо было представить записку о научных заслугах кандидата. Благодаря такой практике мы располагаем ценными источниками биографических и библиографических сведений о действительных членах отделения, многие из которых прошли путь от адъюнкта до ординарного академика. Записки ценны для нас еще и тем, что они проливают новый свет на некоторые стороны внутренней жизни отделения и воссоздают колорит эпохи.

Членов отделения отличала чрезвычайная широта научных интересов. Главными направлениями исследований в области языкознания были изучение русского языка, построение грамматики русского языка, лексикографические работы. Одним из главных предприятий ОРЯС было издание словаря русского языка. Важной обязанностью отделения было издание произведений русской словесности. Предпринятые отделением публикации сочинений Г.Р. Державина и М.В. Ломоносова стали образцами академического издания. Темы исследований членов отделения обнимали также области русской истории, археологии, истории просвещения в России. Особое место занимали исследования по истории Российской академии и Академии наук. Однако характеристика индивидуального творчества каждого из академиков, что, по мнению некоторых членов отделения, было важнее любой академии, не входила в задачи составителей и осталась за пределами сборника.

В сборник помещены документы, которые показывают, что важным стимулом к появлению новых исследований были юбилеи знаменитых ученых и писателей. Отделение отмечало крупные юбилеи своих знаменитых коллег.

Объединению российских филологов содействовало присуждение премий за выдающиеся научные результаты. Как свидетельствуют документы, члены ОРЯС разработали правила присуждения наград в области русистики и славяноведения, и отделение выступало высшим экспертом в конкурсах научных работ и литературных произведений.

Документы знакомят с многообразной издательской деятельностью ОРЯС и свидетельствуют о том, что отделение объединяло работы и собственных членов, и сторонних ученых. Отделение широко раскрыло свои издания для всех русистов и славистов, как приобретших известность, так и начинающих; оно ставило все новые и новые задачи, предлагало к исследованию вопросы, связанные с современными требованиями науки.

Публикуемым документам предпослан исторический очерк, написанный Е.Ю. Басаргиной. В нем освещены основные этапы становления

и развития ОРЯС в первые 50 лет его существования, содержится характеристика основных направлений его коллективной деятельности.

Документы в сборнике расположены по хронологическому принципу, что позволяет проследить историю развития важного структурного подразделения Императорской Академии наук. Основной корпус документов предваряется их перечнем.

Данная публикация является изданием научного типа, поэтому составители с должным вниманием изучили происхождение и содержание каждого документа, стремясь объективно осветить исторические события с помощью широкого круга выявленных материалов. В публикацию включены как полные тексты документов, так и их части с отражением остального содержания в приложении и научно-справочном аппарате.

По своему виду издание является тематическим. В нем представлены неодинаковые по назначению и содержанию документы, различной фондовой принадлежности. При отборе документов составители обращали внимание на источники инициативного (доклады, проекты, циркулярные отношения и т. д.), исполнительного (корреспонденции, записки об ученых трудах, отзывы и т. д.) и итогового (Высочайше утвержденные положения, отчетные доклады, протоколы заседаний отделения и Общего собрания Имп. Академии наук и т. д.) характера.

Большая часть публикуемого материала хранится в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН). Это — фонды 1 (Оп. 1), 2 (Оп. 1, 17), 9 (Оп. 1), разряд IV (Оп. 4а) и личные фонды ученых (например, Ф. 216 — фонд академика И.И. Срезневского). Часть документов находится на хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА), это — документальные свидетельства слияния Академии Российской с Академией наук и реформирования Второго отделения Имп. Академии наук (Ф. 733 — фонд департамента министерства народного просвещения).

Большинство документов, отобранных для данного сборника, ранее не публиковалось. Те же, что были опубликованы, впервые появились на страницах академических изданий: в «Извлечениях из протоколов заседаний Второго отделения Имп. Академии наук», «Отчетах Имп. Академии наук по ОРЯС», «Известиях Имп. Академии наук по ОРЯС», «Ученых записках Второго отделения Имп. Академии наук», «Сборниках ОРЯС Имп. Академии наук», а также в «Полном собрании законов Российской империи», «Проектах Устава и Штатов Имп. Академии наук и состоящих при ней музеев», в «Журнале министерства народного просвещения», в дореволюционных и современных исследованиях, посвященных различным аспектам истории Академии наук и ее Второго отделения: Сухомлинов М.И. «История Российской Академии», Срезневский В.И. «К истории издания Известий и Ученых записок Второго отделения Императорской академии наук (1852–1863)», Басаргина Е.Ю. «Проекты академической реформы. 1855–1917 годы». Ранее опубликованные источники включены в данный сборник для того, чтобы полнее осветить выбранную тему и помочь будущим исследователям истории Академии наук в их работе с историческими материалами.

При передаче текстов документов составители учитывали все обнаруженные варианты, имеющие самостоятельное значение, как в рукописном и машинописном виде (черновые и беловые автографы, списки, отпуски, заверенные и незаверенные копии), так и в печатных изданиях (в газетах, журналах, в виде корректурных оттисков и т. п.). Если в разных текстах одного документа обнаруживались расхождения по его содержанию и структуре, они указывались в подстрочных примечаниях к тексту. При наличии нескольких источников одного текста за основу брался основной документ: для официальных документов (проекты устава, сам устав, положение о Втором отделении, циркулярные письма, доклады, протоколы, записки об ученых трудах и т. п.) — прежде всего подлинники, за их отсутствием — заверенные копии, отпуски; для неофициальных документов (письма членов отделения и поздравительные адреса) — черновые и беловые автографы, позволяющие проследить движение мысли их авторов.

В документах сборника сохранены стилистические и языковые особенности оригинала; орфография и пунктуация соответствуют современным нормам правописания; в извлечениях из протоколов выполнено деление текста на абзацы для лучшего восприятия подаваемой информации. Отдельные слова и предложения, вставленные по смыслу в текст, выделены с помощью квадратных скобок и оговорены в текстуальных подстрочных примечаниях. Зачеркивания, где это было возможно, восстановлены и приведены в этих примечаниях. Имеющиеся в текстах оригинальные подчеркивания и курсив при публикации переданы полужирным шрифтом. Все собственные примечания документов отмечены в примечаниях соответствующей пометой: *Примечание документа*.

Приписки, сделанные автором документа на полях из-за отсутствия места в основной части, даны по их месту в тексте с обязательным указанием в подстрочных примечаниях на такую особенность оригинала. Некоторые приписки (резюльции, пометы и пр.), выполненные другими лицами, приведены в конце основного состава документа, если по смыслу они завершают документ (опять же с оговоркой в подстрочных примечаниях); в остальных случаях, подобные пометы размещены сразу в подстрочных примечаниях.

Имеющиеся в документах иноязычные слова и выражения приведены в основном тексте на языке оригинала, а в переводе на русский язык — в подстрочных примечаниях.

В некоторых случаях, когда это важно для понимания содержания документа, для установления автора, адресата, места написания или датировки, в подстрочных примечаниях расположены канцелярские пометы (адресат документа, входящий номер, дата и т. п.).

В текстах документов присутствуют сокращенные названия Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), Императорской Академии наук (Имп. АН) как устоявшиеся сокращения. То же касается наименований некоторых периодических изданий (ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения, ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских, ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи и пр.). Принятые в библиографии сокращения также специально не оговариваются.

Подписи под протоколами собраний не приводятся, лишь в легенде документа указано их количество. Исключение сделано для протоколов первых организационных собраний ОРЯС 1841 г.: в них есть подписи всех присутствовавших на заседании членов отделения.

В текстах публикуемых документов сохранены ошибки, имеющие смысловое значение (искажение слов и опечатки, меняющие смысл слов), с указанием на то в подстрочных примечаниях и приведением верного варианта. Если вопрос требует развернутого объяснения, таковое дается в примечаниях по содержанию, после всех текстов документов. Орфографические ошибки и явные описки, не имеющие смыслового значения, исправлены безо всякой оговорки. Так же авторы подошли к решению вопроса о различиях в написании географических названий и имен собственных. Пропуски в тексте, сделанные автором документа для последующего восполнения, обозначены отточием и оговорены в примечаниях по тексту. Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова воспроизведены в квадратных скобках. Участки текста, не прочитанные из-за испорченности документа (обрыв, потертости и пр.) или неразборчивости почерка, отмечены отточием и оговорены в текстуальных примечаниях, там же приведены возможные варианты пропусков.

Тексты протоколов заседаний отделения и Общего собрания Академии даны в извлечениях, при этом представлены лишь те фрагменты, которые имеют отношение к теме данной публикации.

Текст каждого документа имеет редакционный заголовок, в состав некоторых внесены заключенные в кавычки собственные заголовки документов. Все заголовки состоят из таких элементов, как разновидность документа, содержание, дата создания (даты приведены по старому стилю) и, если необходимо, автор, адресат, место написания и делопроизводственные номера.

Каждый документ завершается легендой, содержащей контрольно-справочную информацию о нем: поисковые данные документа — его архивный шифр (так как представлены документы, хранящиеся в разных архивохранилищах, то название архива приводится в том числе), подлинность, способ воспроизведения, сведения об особенностях внешнего вида документа, указание на предшествующие публикации. В случае нескольких вариантов текста, первой дается легенда публикуемого текста, последующие приведены в порядке возрастания номеров фондов (фонды одного и того же архива) или же по алфавиту (фонды разных архивов).

В необходимых случаях документы сопровождаются примечаниями по тексту (подстрочные примечания) и по содержанию (в конце основного блока документов). Публикуемые документы обработаны согласно действующим «Правилам издания исторических документов в СССР» (1990).

Документы подготовили к публикации сотрудники Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Е.Ю. Басаргина и О.А. Кирикова.

Дополняют издание три Приложения.

В Приложении 1 представлен «Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 год. Речь

председательствующего в отделении, вице-президента Императорской Академии наук Я.К. Грота».

Приложение 2 содержит записки об ученых трудах членов ОРЯС, снабженные подробными списками книг и статей, упомянутых в записках; некоторые библиографические описания завершаются примечаниями, которые поясняют неточно указанные в записках выходные данные книг и статей, а также называют те научные работы, которые не удалось разыскать.

Библиографические описания составили сотрудники Справочно-библиографического отдела Библиотеки РАН Л.А. Акинфиева, Н.К. Блейман, А.В. Бубенцова, Н.А. Волкова, Е.Л. Воробьева, С.В. Высоцкая, А.Э. Жабрева, О.А. Крицкая, М.В. Пчелинцева, Н.А. Сидоренко. Справка о персональных библиографических списках к текстам «Записок» составлена Н.А. Сидоренко (см. примечание к записке о трудах Я.И. Бердникова).

В Приложении 3 дан «Персональный состав Отделения русского языка и словесности»: его действительные члены, члены-корреспонденты и почетные члены по отделению.

Книгу сопровождают иллюстрации. Сканирование документов выполнено К.Г. Шишкиной и А.С. Малешек.

Издание снабжено именным указателем (составитель О.А. Кирикова).

Составители благодарят за безотказную помощь и неизменную поддержку сотрудников СПбФ РАН: хранителей и научных сотрудников — без них этот труд был бы невозможен. Особую признательность составители выражают Н.Л. Сухачеву за консультации и ценные замечания.

Работа в основной своей части (корпус документов, предисловие, именной указатель) выполнена в рамках государственной темы «Научно-организационная деятельность Отделения русского языка и словесности в 1841–1900 гг.».

Раздел «Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук в 1841–1891 годы: Исторический очерк», Приложения 1, 2 и 3, иллюстративный материал подготовлены при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII — начале XX в.»).

Составители сборника отдают себе отчет в том, что внимательный, дошный читатель может не найти ответов на какие-то возникшие у него вопросы, хотя бы в силу неоднозначного, если даже не субъективного понимания истории в целом и, в частности, истории науки. Повторим вслед за немецким историком и мыслителем Леопольдом фон Ранке: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача — лишь показать, как все было на самом деле»¹.

¹ *Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Leipzig; Berlin, 1824. S. VI.*

ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1841–1891 ГОДЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Любя отечество, люби науку.

Она нам необходима – строгая в исследованиях, ответственная перед целым светом, но родная по направлению, родная по языку.

Она должна быть основой и судьей всех наших успехов, душой порядка, вожатая промышленности, светом, для всех одинаково открытым, хранимым всеми, царем и народом, от врагов явных и тайных, от невежества и беспечности, чванства, своекорыстия, суетности и суетности.

Из речи И. И. Срезневского,
посвященной памяти М. В. Ломоносова.
Апрель 1865 г.

Уже современники проявляли интерес к деятельности Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) и его предшественницы — Российской академии. Памятные даты служили поводом, чтобы обратиться к их истории. Существенным вкладом в изучение истории ОРЯС и Российской академии стали юбилейные речи академиков М.И. Сухомлинова в 1883 г. и Я.К. Грота в 1891 г., в которых подведены определенные итоги их деятельности¹.

Важным этапом в развитии историографии ОРЯС и Академии наук в целом стала подготовка к празднованию 25-летнего юбилея деятельности вел. кн. Константина Константиновича в должности президента. Академия наук приступила к подготовке изданий, посвященных истории Академии за 1889–1914 годы. Из них увидела свет только половина подготовленных материалов, среди них «Материалы для биографического словаря членов Академии наук 1889–1914», содержавшие краткие биографические очерки всех действительных членов Академии наук, занимавших академические кресла в 1889–1914 гг., с подробными библиографическими списками их работ. Помещенные в них биографические и автобиографические статьи

¹ Сухомлинов М.И. Речь о деятельности Российской академии // Отчеты Импер. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 540–556; Грот Я.К. Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 год // Там же. С. 769–800. Очерк Я.К. Грота см. в Приложении 1 (с. 520–539 настоящего издания).

различаются объемом сообщенных в них сведений, однако в некоторых из них даны емкие характеристики научного творчества почивших академиков ОРЯС².

По условиям времени работы по изучению академической науки на время заглохли и возобновились в Комиссии по истории знаний (1921–1932), в созданном на ее основе Институте истории науки и техники (1932–1938) и в Комиссии по истории Академии наук СССР (1938–1953). Результаты многолетних исследований были впервые опубликованы директором Архива АН СССР Г. А. Князевым в 1945 г. к 220-летию Академии наук в виде «Краткого очерка истории АН СССР», в котором некоторое внимание было уделено развитию гуманитарной науки³.

В 1958 г. увидел свет первый том «Истории Академии наук СССР»; второй том, охватывающий период с 1803 по 1917 г., был издан в 1964 г.⁴ Авторами был обобщен огромный фактический материал и дан подробный обзор развития академической науки по отраслям знаний, а также охарактеризована деятельность выдающихся отечественных ученых, являвшихся членами Академии наук. В разделе «Общественные науки» наряду с другими представлены филологические науки, история и славяноведение. На книге лежит несомненный отпечаток времени, сказавшийся как на выборе материала, так и на трактовке некоторых сюжетов. И все же она остается пока единственным обобщающим трудом по истории Академии наук, в этом широком контексте рассматривается деятельность членов ОРЯС.

История академической науки и ее гуманитарной составляющей остается одним из направлений отечественной историографии. История ОРЯС в разные периоды его существования стала предметом исследований М.Ф. Хартанович, М.Ш. Файнштейна, Е.Ю. Басаргиной⁵.

Событиями, благотворно отразившимися на развитии исследований по истории Академии наук, были празднования ее юбилеев: в 1925 г. отметили 200-летие, в 1945 г. — 220-летие, в 1975 г. — 250-летие и в 1999 г. —

² Императорская Академия наук. 1889–1914. Т. III. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 1. А–Л. Пг., 1914; Ч. 2. М–Я. Пг., 1917.

³ Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1725–1945 / Под ред. В.П. Волгина и С.И. Вавилова. М.; Л., 1945. В 1957 г. в соавторстве с А.В. Кольцовым было осуществлено второе издание книги а в 1964 г. — третье издание: Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд., доп. / Под ред. и с предисл. А.В. Топчиева. М.; Л., 1957; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР / Под ред. акад. К. В. Островитянова. Изд. 3-е, дополненное. М.; Л.: Наука, 1964.

⁴ История Академии наук СССР в 3-х томах / Гл. ред. акад. К. В. Островитянов. Т. 1. 1724–1803. М.; Л., 1958; Т. 2. 1803–1917. М.; Л., 1964.

⁵ Хартанович М.Ф.: 1) Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999; 2) Гуманитарные учреждения Санкт-Петербурга XIX века: Исторические очерки. СПб., 2006; Файнштейн М.Ш. Объединение двух Академий // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 40–55; Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков: Очерки истории. М., 2008.

275-летие со дня основания Академии наук. Среди юбилейных изданий заметное место занимает коллективный труд «Российская Академия наук: 275 лет служения России»⁶. В нем делается попытка по-новому осмыслить роль Академии наук в развитии фундаментальной науки; определяется место Академии наук в истории российского общества и государства, рассмотрены проблемы ее взаимодействия с властными структурами, национальной самоидентификации, языковые особенности академических публикаций и некоторые другие сюжеты, важные для темы настоящей работы⁷.

Определенным этапом осмысления истории Академии наук является выход в свет фундаментального издания «Летопись Российской Академии наук. 1724–1934»⁸. Из второго и третьего томов можно почерпнуть разнообразные сведения о жизни ОРЯС в изучаемый период⁹. Однако жанр летописи не предполагает сколько-нибудь подробного изложения фактов и поэтому не может дать отчетливой и целостной картины жизни ОРЯС. Это издание является богатым источником для дальнейших исследований.

Во второй половине XX в. с углублением дифференциации научного знания в работах отечественных ученых по истории Академии наук стали преобладать исследования по отдельным научным дисциплинам. Большую историко-научную ценность имеют работы, посвященные развитию славяноведения, русской лексикографии¹⁰. Важным вкладом в изучение Академии наук являются сборники документов и материалов по истории славяноведения¹¹.

Немало важных сведений можно почерпнуть в книгах о жизни и деятельности выдающихся отечественных ученых. Научная биография дает богатый материал не только о творчестве ученых, но и об их гражданской

⁶ Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999.

⁷ *Бастракова М. С.* Академия наук и власть: Второе столетие. От Академии Императорской к Российской // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 111–199; *Старостин Б. А.* Петербургская академия наук в поисках национальной самоидентификации // Там же. С. 259–321; *Валькова О. А.* Язык фундаментальной науки в России // Там же. С. 322–346.

⁸ Летопись Российской академии наук [в 4-х т.]. 2000–2007.

⁹ Летопись Российской Академии наук. В 4-х томах / Гл. ред. акад. Ю. С. Осипов. Т. 2. 1803–1860 / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб., 2002; Т. 3. 1861–1900 / Отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб., 2003.

¹⁰ Историография истории южных и западных славян. М., 1987; Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988; *Липтева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; *Цейтлин Р.М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958; История русской лексикографии / Под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб., 1998; Отечественные лексикографы: XVIII–XX века / Под ред. Г.А. Богатовой. М., 2000; *Виноградов В. В.*: 1) Русская наука о русском литературном языке // Уч. зап. МГУ. 1946. В. 106. Т. 3. Кн. 1; 2) Из истории изучения русского синтаксиса, М., 1958.

¹¹ Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / Под ред. Б.Д. Грекова. Подготовили к печати и комментировали В.Р. Лейкина-Свирская и Л.В. Разумовская. М.; Л., 1948.

позиции, а также о тех учреждениях, с которыми они были связаны, прежде всего, Академией наук и ее Вторым отделением (ОРЯС). Первые биографии и биографические материалы членов ОРЯС были изданы их коллегами по отделению. Так, первым биографом академика А.Х. Востокова был его младший коллега по отделению академик И.И. Срезневский, боготворивший Востокова и опубликовавший его автобиографические записки; эту работу продолжил сын ученого В.И. Срезневский¹². Я.К. Грот издал сочинения и переписку своего ближайшего друга академика П.А. Плетнева. Сын Грота к столетнему юбилею своего отца собрал и издал биографические материалы о нем; по поручению ОРЯС под его редакцией вышло собрание сочинений Я.К. Грота¹³. К 10-летию со дня смерти А.Н. Веселовского вышли его биография и сборник, посвященный его памяти¹⁴.

Современная научная литература не богата биографическими работами, посвященными членам ОРЯС, недостаточно разработано их научное наследие, хотя каждый из них достоин отдельного монографического исследования. Можно только горько сожалеть о том, что нет современных научных биографий таких столпов отечественной гуманитарной науки, как А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, Я.К. Грот, А.Н. Веселовский. Отдельные аспекты биографии и творчества членов отделения рассмотрены на страницах тематических сборников¹⁵. Среди них выделяются своей монументальностью три тома, выполненные по проекту «Архивы русских византистов» под руководством чл.-корр. И.П. Медведева на рубеже нынешнего столетия¹⁶. Важны и биографические словари, и интернет ресурсы.

Историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что исследования, посвященные ОРЯС, развивались от описательных форм,

¹² Заметки А.Х. Востокова о его жизни. Сообщил В.И. Срезневский. СПб., 1901.

¹³ Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Вып. 1–2. СПб., 1912; Памяти акад. Я.К. Грота. 1812–1893, СПб., 1913; Труды Я.К. Грота. Т. 1–5 / Изданы под редакцией профессора К.Я. Грота. СПб., 1898–1903.

¹⁴ Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916). Пг., 1921; *Энгельгардт Б.М.* Александр Николаевич Веселовский. Пг., 1924.

¹⁵ И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 года / [отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин]. Рязань, 2012; Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я.К. Грота. Тезисы докладов III Междунар. конференции «Культура русской речи» / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М. 2012; Тезисы Междунар. науч. конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Якова Карловича Грота. СПб., 2012; Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб., 2015.

¹⁶ Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 1999; Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 2004.

характерных для первых опытов осмысления деятельности отделения, к современным исследованиям обобщающего характера, отличающимся широким охватом исторических событий. Впрочем, как в прошлые годы, так и в настоящее время историография нередко развивается в рамках коммеморативных практик. Несмотря на значительные успехи отечественной историографии по истории ОРЯС в 1841–1891 гг., приходится признать, что в исторической литературе отсутствуют научные труды, которые содержали бы целостное, обобщающее изложение истории отделения в данный период.

Настоящая работа только отчасти восполняют пробел в историографии, она дает в руки исследователей тот строительный материал, который может быть использован как фундамент будущего исследования.

В основу сборника положены различные виды исторических источников: нормативные акты, академические издания, делопроизводственная документация, официальная и научно-организационная переписка, источники личного происхождения.

В работе использованы мемуары и автобиографии ученых, связанных с ОРЯС¹⁷. Важность мемуарной литературы, подчеркивал К.М. Бэр, заключается в том, что жизнь человека в ней «является зеркалом истории и рассказывает о том, как этот ход событий влиял на него самого»¹⁸. Ценными сведениями о деятельности ОРЯС насыщена переписка его членов. Письма ученых воссоздают ту атмосферу, в которой они работали, проливают дополнительный свет на многие обстоятельства академической жизни¹⁹.

Солидный корпус источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, всесторонне отражает различные аспекты научно-организационной деятельности ОРЯС как единой научной корпорации.

Учреждение Отделения русского языка и словесности

Отделение русского языка и словесности (ОРЯС, II отделение), которое сами академики иногда кратко называла Русским отделением, было создано в 1841 г., когда правительство провело реформу Академии наук, в результате которой к Императорской Академии наук была присоединена Императорская Российская академия²⁰.

Российская академия была основана Екатериной II в 1783 г. как национальный центр для исследований в области русистики и славяноведения.

¹⁷ Заметки А.Х. Востокова о его жизни. Сообщил В.И. Срезневский. СПб., 1901.

¹⁸ Академик К.М. Бэр. Автобиография. М.; Л., 1950. С. 405.

¹⁹ Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Имп. Академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885; Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 1–3. СПб., 1896; Из переписки деятелей Академии наук / Подготовил к печати проф. Д.И. Абрамович. Л., 1925.

²⁰ Подробнее см.: *Файнштейн М.Ш.* Объединение двух Академий // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 40–55.

Она была создана по образцу Французской академии (Académie Française), образованной в 1635 г. и сыгравшей существенную роль в деле исследования и кодификации французского языка²¹.

Российской академии были предначертаны две разнородные цели: во-первых, «вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение»²², а, во-вторых, обогащение литературы произведениями красноречия и поэзии. Академия занималась составлением словарей и грамматики, изданием сочинений, проведением литературных конкурсов, переводческой деятельностью²³.

Выбор членов Российской академии определялся «из известных людей, знающих российский язык». В члены Российской академии были избраны ученые Академии наук и Московского университета и крупные личности тогдашнего литературного мира: И.И. Лепехин, Н.С. Мордвинов, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, Я.Б. Княжнин, М.М. Херасков, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин.

Основополагающим трудом Российской академии в создании отечественного литературного и научного языка был первый нормативный словарь русского языка — «Словарь Академии Российской», — плод коллективных усилий членов Российской академии²⁴. Большое значение для исследования и кодификации языка имела и «Грамматика русского языка» (1802. Ч. 1–3).

Академия оставила значительный след во многих областях духовной жизни России конца XVIII — начала XIX в. Однако если в первый период своей деятельности на академию смотрели как на храм отечественной словесности, то к 1841 г. она утратила свой былой авторитет, ее деятельность не имела ни строго научного характера, ни литературного значения²⁵.

²¹ Задача создания языковой нормы и идея очищения присутствует в самом названии одной из первых академий, образованной во Флоренции в 1582 г. — Accademia della crusca (Академия отрубей).

²² Краткое начертание Императорской российской академии. 30 сентября 1783 г. // ПСЗ. Собр. первое. Т. 21. СПб., 1830. С. 1023–1025. № 15839.

²³ Ср. мнение П.А. Плетнева о «языковых» академиях, высказанное в 1860-е гг.: «Конечно, главная беда в том, что и Франция и Италия, и Швеция, и Екатерининская Россия громадно ошиблись, вообразив, что чем талантливее литератор, тем он способнее составлять лексикон и доискиваться тонкостей в грамматике»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 2 (14) декабря 1864 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 689.

²⁴ «Академический словарь» был подготовлен в очень короткие сроки; Французская академия издавала аналогичный словарь (Dictionnaire de l'Académie Française) в течение 60 лет.

²⁵ Князь П. А. Вяземский, подсмеиваясь над своим знаменитым сочленом по Российской академии, рассказывал, что на предложение чаще собираться для совещаний, Крылов отвечал: «разумеется, кроме почтовых дней», запомнявав, что он не в провинции, а в Петербурге, где почта отходила каждый день: *Сухомлинов М.И.* Князь Петр Андреевич Вяземский // Отчет за 1878 г. С. 326.

Многие считали причиной упадка Российской академии преобладающее влияние ее президента — литературного «старовера» и дилетанта в филологии, увлекавшегося фантастической этимологией, адмирала А.С. Шишкова, безраздельно властвовавшего в академии с 1813 г.²⁶

В отличие от находившейся в упадке Российской академии, Императорская Академия наук, созданная в 1724 г. по замыслу Петра I, переживала невиданный расцвет. Своим процветанием она была во многом обязана своему президенту гр. Сергею Семеновичу Уварову (1786–1855)²⁷.

Уваров был одаренным человеком, снискавшим себе репутацию выдающегося автодидакта своего времени. Смолоду его тянуло к людям культуры, и он умел находить общий язык с людьми противоположных направлений. Уваров свел знакомство с поэтом В.А. Жуковским и историком Н.М. Карамзиным, стоял у истоков литературного общества «Арзамас». Одновременно он не был чужд литературных староверов из общества «Беседа любителей русского слова». С 1830 г. он был действительным членом Российской академии и знал цену этому званию.

Уваров уже в ранней молодости сделал блистательную карьеру, получив в 24-летнем возрасте солидное назначение попечителем Петербургского учебного округа (1810–1821). В зрелые годы (1833–1849) он был министром народного просвещения и положил в основу деятельности этого министерства программу, построенную на исторических принципах российской государственности и культуры, которая вошла в историю как «теория официальной народности».

В 1818 г. судьба накрепко связала Уварова с высшим научным учреждением страны — Академией наук, которую он возглавлял 37 лет. Все это время Уваров старался сделать ее столь же солидным и уважаемым учреждением, как в Западной Европе: Академия наук была полностью реформирована, в нее стянулись самые крупные научные силы дерптской школы: физик Э. Х. Ленц, зоолог К. М. Бэр, химик Г. И. Гесс, а также питомец

²⁶ Господствовавшее в течение долгого времени представление о «бездеятельности» Российской академии в последние годы ее существования поколебали работы М.Ш. Файнштейна, который показал, что Шишков значительно расширил поле деятельности Российской академии, усилил лексикографические работы, поощрял исследования в области русской и славянской литератур, истории, географии и краеведения. См.: *Файнштейн М.Ш.*: 1) «Усовершенствовать и возвысить слово наше» (Словарное дело Российской Академии. 1783–1841). СПб., 1994; 2) «И славу Франции в России превзойти...» Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002.

²⁷ На Уварова долгое время смотрели через призму его травли А. С. Пушкина, который в 1835 г. публично осмеял его жадность, тщеславие и заносчивость в оде «На выздоровление Лукулла». Современные историки уже давно преодолели это стереотипное восприятия личности Уварова и считают его «российским государственным деятелем с прогрессивными взглядами, но осторожным характером». Подробнее об Уварове см.: *Whittaker C.H.* The origins of modern Russian education: an intellectual biography of count Sergei Uvarov, 1786–1855. Northern Illinois: University Press, 1984; *Вумтекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

парижской математической школы М.В. Остроградский. Именно в это время была основана Пулковская обсерватория, которую по приглашению Уварова возглавил один из лучших астрономов того времени В.Я. Струве. В 1837 г. на строительство обсерватории Уваров, пользуясь своим правом министра народного просвещения, изъял из сундуков Российской академии 400 000 руб.²⁸

В 1836 г., после четырехлетних усилий специальной комиссии, Николай I утвердил новый устав Академии, которая определялась как «первенствующее ученое сословие в Российской империи» и была призвана выполнять три главные задачи, состоящие в научно-исследовательской работе, распространении просвещения и развитии практического применения научных результатов²⁹. Число ординарных академиков увеличилось с 18 до 21. Основные занятия членов Академии наук были сосредоточены в области точных и естественных наук. Лишь 6 мест отводилось представителям исторических и политических наук.

Среди гуманитарных дисциплин особое место занимали востоковедение и классическая филология. Занятия классической древностью находились под особым покровительством Уварова, который придавал большое значение культурной близости России с европейским Западом и видел их общий источник образованности в античности, прежде всего ее греческой части, важной для изучения русской истории и словесности. Представления об основополагающем значении классицизма для утверждения национальной культуры легли в основу всей образовательной политики Уварова как министра народного просвещения.

Признанием роли Востока в истории цивилизации и свидетельством растущего державного интереса к восточным соседям стало создание Азиатского музея в 1818 г. — скромное воплощение амбициозных замыслов Уварова открыть особую Азиатскую академию. Этот проект был подготовлен Уваровым в 1810 г. и получил большой резонанс как в России, так и на Западе, где ученый мир охватил настоящий «бум» изысканий в области востоковедения³⁰.

С.С. Уваров, действуя в духе своей идеологической программы, поощрял изучение отечественной истории. На деньги Академии была организована Археографическая экспедиция в 1828–1834 гг., беспрецедентная по достигнутым результатам. В 1834 г. для издания собранных экспедицией материалов, извлечения из архивов и публикации полного корпуса документов по русской истории Уваров учредил в составе Министерства народного

²⁸ Краткое известие об Императорской Российской Академии, от основания оной в 21 день октября 1785 года по 1840 год // Труды Имп. Российской Академии. СПб., 1840. Ч. 1. С. 90. («из хозяйственных сумм в 1837 г. отпустила 400 000 руб. на строительство Обсерватории на Пулковой горе»).

²⁹ Устав Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, 1836 // Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М.: Наука, 2009. С. 113.

³⁰ *Ouvaroff S. Projet d'une Académie Asiatique.* SPb., 1810. Перевод на русский язык выполнен В.А. Жуковским: *Уваров С.С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской* // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 27–52; № 2. С. 94–116.

просвещения Археографическую комиссию. Во главе комиссии он поставил своего ближайшего помощника по министерству П.А. Ширинского-Шихматова, а ее главными деятелями стали неутомимые исследователи книжных и архивных хранилищ П.М. Строев и Я.И. Бередников. Издания комиссии существенно обогатили отечественную историю.

Русистика и славистика не входили в перечень специальностей Академии наук, эти научные дисциплины являлись прерогативой Российской академии. Однако в 1830-е гг. деятельность последней была весьма унылой. Живший в молодости в здании Российской академии А.П. Милюков рассказывал, что ее изданиями, сваленными за ненадобностью на чердаке, часто топили печи³¹.

М.П. Погодин, посетивший Российскую академию в 1839 г., рассказывал, что он будто перенесся в середину XVIII столетия и видел перед собой Татищева и Щербатова: «Вот Поленов, который помнит еще Башилова, сотрудника и ученика Шлецера, и Пospelова, воспитанного Стриттером. Вот показывается и почтенный председатель, которого ведут под руки; вслед за ним идут два митрополита: Филарет Московский и Филарет Киевский. За ними шествуют два министра, Дашков и Блудов в сопровождении Жуковского»³².

По словам Я.К. Грота, «с претензией быть “стражем языка”, “охранительницей от вводимых в него злоупотреблений” и “наставницей возрастающего юношества”, Российская академия поставила себя во враждебное отношение ко всему живому в литературе и существовала так вяло, что, наконец, звание члена Российской академии сделалось почти синонимом жалкого тунеядства»³³. Поводом к упразднению Российской академии послужила последовавшая 10 апреля 1841 г. смерть ее 87-летнего президента А.С. Шишкова (док. 1).

Николай I повелел слить Российскую академию с Академией наук и уже 11 апреля поручил С. С. Уварову составить проект соединения двух академий³⁴. Едва ли перспектива разбавить выпестованную его ревностным трудом академию вливанием в нее весьма многочисленной и разношерстной по своему составу Российской академии пришлось Уварову по душе. Невозможность соединения академий в одно целое Уваров объяснял разнородностью занятий каждой из них. В Российской академии ученый

³¹ Милюков А.П. Воспоминания о Д.И. Языкове // Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 25–51.

³² Цит. по: Из воспоминаний М.П. Погодина о заседании в Российской академии (марта 1839 г.) // Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...» Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. С. 182.

³³ Грот Я.К. О Втором отделении Академии наук // Грот Я.К. Труды. Т. 3. СПб., 1901. С. 442. См. также Приложение 1 настоящего издания (с. 528).

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 7. Подлинник. С пометой С. С. Уварова: «Его Императорского Величества собственною рукою написано карандашом: “Представьте мне проект соединения Российской Академии с Академией наук”. 11 апреля 1841 г. С. Уваров».

был редкий, хотя и желанный гость, в основном ее действительными членами были духовные лица, высшие сановники, военные и известные литераторы.

Через два месяца после смерти Шишкова, 11 июня 1841 г. Уваров представил свой проект реформы академий, однако он предполагал не столько слияние академий, сколько их разделение (док. 2). Более того, вместо двух академий Уваров предлагал, по подобию Французского института, создать три учреждения под одним названием «Императорские соединенные академии» — Академию наук, Академию русской словесности, или Славяно-русскую академию, и Академию истории и филологии. Ученым первой из них надлежало разрабатывать естественные и точные науки. Перед второй ставилась задача изучения русского языка, словесности и истории, а также славяноведения. Академию истории и филологии составляли входившие в круг деятельности академии науки исторические, политические и филологические³⁵.

В качестве эталона внутренней организации каждой из академий Уваров признавал структуру Академии наук и намеревался следовать ее уставу 1836 г. Предполагалось, что каждая из академий будет иметь собственное собрание действительных членов, или Конференцию, и своего неперменного секретаря. Уваров ходатайствовал о принятии наследником-цесаревичем великим князем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II) звания канцлера Императорских соединенных академий. Однако Николай I не дал своего согласия ни на учреждение трех академий, ни на звание канцлера. Предложенное преобразование показалось ему слишком громоздким³⁶.

Незамедлительно, 12 июня 1841 г., последовало указание императора усилить научное назначение преобразованного учреждения и дать ему менее сложное устройство. Для упрощения административного управления Николай I повелел, чтобы «под общим названием Императорской Академии наук состояло бы три отделения: первое, или собственно Академия наук (*Sciences exactes*); второе отделение словесное, в коем заключалась бы и Российская академия; третье отделение истории и древностей, с коим поставить в сношение и Археологическую комиссию»³⁷.

Вслед за этим Уваров учредил Комитет нового устройства Императорской Академии наук в составе представителей Российской академии и Акаде-

³⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 8. СПб., 1887. С. 489–492. Подлинник: РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 12–19. О соединении Академии Российской с Академией наук.

³⁶ Вспомним хотя бы объяснения Николая I, данные им маркизу де-Кюстину в 1839 г.: «К счастью, административная машина в моей стране крайне проста, иначе, при огромных расстояниях, являющихся серьезным для всего препятствием, и при более сложной форме управления, головы одного человека оказалось бы недостаточно»: Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. М.: Терра, 1990. С. 95 (глава VIII).

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 12. Резолюция Николая I записана рукой Уварова и начинается словами: «Государь император высочайше повелел...»

мии наук. Комитет возглавил вице-президент Имп. Академии наук М.А. Дондуков-Корсаков, от Российской академии в него вошли непреременный секретарь Д.И. Языков и казначей А.Х. Востоков, от Академии наук — непреременный секретарь Н.И. Фус и академик-востоковед Х.Д. Френ³⁸.

К 7 августа 1841 г. Комитет подготовил проект нового академического устава и объяснительную записку к нему³⁹.

Проект нового устава 1841 г. предусматривал изменение структуры Академии наук и расширение круга ее деятельности по сравнению с задачами, изложенными в Уставе 1836 г. Прежде единая Конференция (Общее собрание) всех действительных членов разделилась на три класса: физико-математических наук; отечественного языка и словесности; историко-политических наук и филологии. В проекте представлено подробное исчисление наук, входящих в состав каждого класса. К новым направлениям работы относились славистика и русская филология. Проект предполагал существенное увеличение числа действительных членов: вместо 21 положенных по уставу 1836 г. ординарных академиков намечалось 36.

В 1841 г. было высказано пожелание укрепить престиж академических званий, а для этого ограничить число сторонних членов. «Цена, приписываемая чести избрания, — говорилось в объяснительной записке к проекту устава 1841 г., — соразмеряется с трудностью приобретения этой чести»⁴⁰. Звание почетных членов оставили за представителями высшей бюрократии Российской империи. Для почетных членов из ученых ввели особое звание почетного академика, которое соответствовало званию *Associé étranger* Парижской академии наук. Новым званием отмечались заслуги первостепенных, преимущественно иностранных ученых.

Устанавливались ограничения для числа членов-корреспондентов — 135 человек. Эта вынужденная мера объяснялась тем, что число корреспондентов непомерно возросло: с 1830 по 1841 г. ежегодно избиралось в среднем по 15 человек; и за это время их общее количество увеличилось почти на сто человек. Неизбежным следствием относительной легкости приобретения этого звания было уменьшение уважения к нему со стороны ученых. В разряд корреспондентов допускались только ученые, а для лиц, которые оказывали Академии разного рода услуги и отличались усердием в сборе полезных для нее материалов и коллекций, учреждался особый разряд сотрудинок.

Статьи проекта нового устава 1841 г. о сторонних членах были использованы во время подготовки «Положения о сторонних членах» 1843 г. и вошли в него лишь с небольшими коррективами. По каким-то причинам

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 20.

³⁹ «Устав Императорской С.Петербургской Академии наук. 1841 г.» (РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 36–58. Подлинник); «Объяснительная записка о предлагаемых в Уставе и Штате Императорской Академии наук изменениях и дополнительных к оным статьях по поводу присоединения к сей академии класса русского языка и словесности» (РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 63–74. Подлинник. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. Д. 5. Л. 7–12. Черновик).

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 67.

«Положение» не было утверждено императором, но с разрешения президента С.С. Уварова, который одновременно был министром народного просвещения, Общее собрание стало руководствоваться теми статьями этого проекта, которые относились к избранию членов-корреспондентов⁴¹.

Проект нового устава обладал рядом несомненных достоинств и был представлен 7 августа 1841 г. в Министерство народного просвещения, однако не получил дальнейшего движения. Проект внимательно изучили товарищ министра народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов и сам министр С.С. Уваров и оставили на полях документа множество помет⁴².

Главным камнем преткновения на пути реформы была неизбежность существенного увеличения финансирования. Авторы проекта рассчитывали покрыть новые издержки за счет средств Российской академии, которая имела большие сбережения и обладала ценным движимым и недвижимым имуществом: библиотекой, нумизматической коллекцией, собранием портретов и бюстов, типографией и словолитней и, наконец, зданиями⁴³.

18 июня 1841 г. Уваров возложил на М.А. Дондукова-Корсакова и Н.И. Фуса поручение представить свои соображения «о слиянии хозяйственной части двух академий в одно стройное целое и соразмерении штатных издержек со сложностью доходов»⁴⁴. Таким образом, к научным намерениям примешивались чисто практические соображения.

Министерство народного просвещения позаимствовало часть капитала присоединяемой Российской академии на «обзаведение» Главной астрономической обсерватории в Пулковке, остальной капитал был обращен в казну. В казну перешло и громадное здание Российской Академии на 1-й линии Васильевского острова. Типографию предполагалось

⁴¹ Начиная с 1843 г. кандидаты предлагались по представлению, по крайней мере, трех академиков, а не одного, как было прежде; для избрания требовалось присутствие на заседании 3/4 всего состава действительных членов, причем в поддержку должно быть подано квалифицированное большинство избирательных голосов — 2/3 от числа проголосовавших.

⁴² *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1880. С. 379–380.

⁴³ По словам П.А. Вяземского, «Крылов, как член старой Российской Академии, был недоволен хозяйственными и экономическими распоряжениями ее. Капитал, которым она владела, не употребляла она на пользу русской словесности, не печатала полезных и дешевых книг, не изготовляла новых, улучшенных изданий наших классических писателей, не помогала молодым талантам. “Куда копите вы деньги свои? — спрашивал он академическое правление. — Разве на приданое Академии, чтобы выдать ее замуж за Московский университет?” Свадьба не состоялась; но после смерти Шишкова значительный академический капитал был отобран. Богатая невеста замуж не вышла, и как сиротка пристроена была к другому месту и под другим именем. Для старых академиков это был жестокий удар»: *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М., 2003. С. 442.

⁴⁴ См. черновик письма С.С. Уварова непременно секретарю Императорской Академии наук Н.И. Фусу от 18.06.1841. РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 27–27 об.

соединить с Типографией Академии наук, коллекции влить в состав музеев Академии наук. Сначала предполагалось, что Российская академия должна принести все эти жертвы «в замену той суммы, которой по новому проекту предполагено увеличить ее штат»⁴⁵.

Однако в Министерстве народного просвещения посчитали, что содержание новых академиков по русской словесности будет обременительно для казны, поэтому сохранили тот порядок вознаграждения действительных членов, который был принят в Российской академии. Согласно уставу 1818 г. Российская академия была «сословием свободным», и ее члены не получали ни жалованья, ни пенсий, исключение составляли только непреременный секретарь и казначей, получавшие ежегодное жалованье. Всем остальным членам назначалась плата за посещение заседаний, а кроме того, «денежные единовременные вознаграждения и ежегодные ободрения и награды тем, кои совершают какой-либо важный труд, или принесут отличную пользу»⁴⁶.

Для нового подразделения Академии наук были составлены особое «Положение об Отделении русского языка и словесности» и «Штат Отделения русского языка и словесности», в которых нашли отражение основные положения хитроумной реформы. Автором «Положения», по видимому, был сам С.С. Уваров.

В октябре 1841 г. «Положение» и «Штат» были уже готовы. Штат нового отделения был ограничен суммой 15272 руб. 70 коп. серебром и был меньше штатных сумм, которые ежегодно ассигновались на Российскую академию и составляли 17218 руб. 45¹/₇ коп. Излишек в 1945 руб. 75¹/₇ коп., оставшихся от штата Российской академии, ежегодно шел на усиление экономической суммы Академии наук⁴⁷.

Но Уваров все медлил представить их императору. Николай I был недоволен проволочкой, и когда 14 октября 1841 г. Уваров подал ему доклад по поводу медали, выбитой на 50-летие Российской академии, Николай I написал на докладе: «Пора кончать с делом академии: я все жду»⁴⁸. На следующий день, 15 октября, Уваров представил императору «Положение» и «Штат» нового отделения.

Дело о Российской академии было кончено 19 октября 1841 г., когда Николай I утвердил «Положение об Отделении русского языка и словесности при Императорской Академии наук» (док. 7) и «Штат Отделения русского языка и словесности» (док. 8).

Рескрипт Николая I об учреждении Отделения русского языка и словесности был прочитан на первом Общем собрании трех отделений, которое состоялось 20 декабря 1841 г., причем протокол этого заседания был впервые написан на русском языке (док. 19).

⁴⁵ Там же. Л. 75–76 об.

⁴⁶ Соответствующие статьи расходов составляли 3000 руб. и 15 000 руб. ассигнованиями: ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2. С. 151. № 30197.

⁴⁷ Там же. Отд. 2. Приложения. I. Штаты и табели. С. 188.

⁴⁸ *Сухомлинов М. И.* История Императорской Российской Академии. Т. 8. СПб., 1886. С. 364.

С присоединением к Академии наук Российской академии коренным образом изменилась структура Академии наук: единая прежде Конференция (Общее собрание всех действительных членов) была разделена на три отделения: физико-математическое (I отделение), отделение русского языка и словесности (II отделение) и историко-филологическое (III отделение).

В Академии наук Отделение русского языка и словесности заняло центральное место и составило своего рода связующее звено двух частей Академии наук. Как сказано в отчете ОРЯС за 1842 г., «Отделение русского языка и словесности, поставленное посреди двух отделений Академии наук, действует, так сказать, центрально — и вся академия к главной своей цели движется вместе и нераздельно» (док. 27).

В результате проведенной в 1841 г. реформы гуманитарные науки заняли в Академии наук доминирующее положение, и в ней заняли свое место русская филология и славистика.

В «Положении» были очерчены задачи отделения, состоявшие в исследовании русского языка и других славянских языков, в составлении грамматики и словаря русского языка, в разработке истории русской словесности; изящная словесность и отечественная история были объявлены второстепенными предметами занятий отделения. Таким образом, из прежнего учреждения с неопределенным кругом деятельности была создана коллегия с ясно выраженным научным назначением.

Особый параграф «Положения» предусматривал связь отделения «в отношении к историческим памятникам языка и древней письменности русской» с Археологической комиссией.

Отделение русского языка и словесности получило организацию, отличную от внутреннего устройства двух других отделений. Количество академиков было определено в 16, а адъюнктов в 4, причем академиками отделения могли быть и ученые, находившиеся вне Петербурга. На членов ОРЯС не распространялись все те служебные права, какие были предоставлены всем другим академикам: хотя они считались находящимися на государственной службе (за исключением особ духовного звания), они не получали ни жалованья, ни пенсий.

По свидетельству П.А. Вяземского, «министра Уварова осуждали за эту реформу. В лирическом негодовании своем иные даже утверждали, что он этим преобразованием оскорбляет память Екатерины Великой: она была основательницей Академии, в лице княгини Дашковой была сама почти членом Академии. Довольно долго раздавались жалобы, сетования и упреки. Конечно, кажется, лучше было бы не трогать Академии, не нарушать личных преимуществ ее. Она уже пользовалась правом гражданства в составе государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все же не совсем праздно просуществовала. Некоторыми нововведениями и улучшениями можно было еще возвысить влияние ее на любознательную и просвещенную публику»⁴⁹.

⁴⁹ Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М., 2003. С. 442–443.

Уваров не мог решиться перевести в свою академию всех членов Российской академии без какого-либо разбора: он был в ужасе от того, что его тщательно подобранную Академию наук заполонит толпа праздных, за единичными исключениями, литераторов. Чтобы уберечь Академию наук от лишних гостей, Уваров наметил в ординарные академики лишь 14 из 60 действительных членов Российской академии.

Уваров чувствовал себя полновластным «царем просвещения» и умело проводил кадровую политику, пользуясь своей властью министра. Напомним, что еще в середине 1830-х гг. он одним махом решил проблему кадрового обновления состава профессоров университетов⁵⁰. Подготовленный им и утвержденный в 1835 г. «Общий устав императорских российских университетов» ограничил срок учебной службы 25 годами и ввел звание «заслуженного профессора», что позволило отправить на пенсию дряхлых, безнадежно отставших от науки профессоров и заменить их свежими силами, которые много содействовали обновлению и возрождению российских университетов.

В 1841 г. Уваров вновь применил «ручной способ» формирования ученой корпорации. Он обратился к императору с просьбой даровать ему право «на первый раз» самому назначить членов вновь созданного отделения. Разрешение на это было дано. В дальнейшем члены ОРЯС избирались по установленным в Академии правилам.

Уваров предложил достойные кандидатуры. Ординарными академиками Императорской Академии наук стали литераторы *Василий Андреевич Жуковский* (1783–1852), *Иван Андреевич Крылов* (1768–1844), *Петр Андреевич Вяземский* (1792–1878), *Владимир Иванович Панаев* (1792–1859).

Чтобы выказать уважение духовенству, Уваров пригласил в Академию двух отцов церкви. Митрополит Московский и Коломенский *Филарет* (в миру *Василий Михайлович Дроздов*, 1782–1867) был известным религиозным и государственным деятелем, ректором Петербургской духовной академии, переводчиком и комментатором священных текстов. Епископ Харьковский и Вологодский *Иннокентий* (в миру *Иван Алексеевич Борисов*, 1800–1857), в прошлом ректор Киевской духовной академии, считался лучшим духовным оратором и проповедником своего времени; его истинным призванием была не наука, а искусство человеческого слова.

П.А. Ширинский-Шихматов, по мысли Уварова, должен был служить связующим звеном между Академией и Археографической комиссией⁵¹.

⁵⁰ Подробнее см.: *Костина Т.В.* Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–37 гг. // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 234–242.

⁵¹ По отзыву П.М. Строева, П.А. Ширинский-Шихматов «приучил Археографическую комиссию работать, как говорится, с плеча, лишь бы поспевало к сроку двухгодичных наград, которых и его сиятельство схватил не мало; оттого-то такое множество промахов в комисских изданиях, а указатели ее (между нами будет сказано) никуда не годятся»: Письмо П.М. Строева М.А. Коркунову от 23 мая 1855 г. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 524.

Единственным настоящим филологом в Российской академии был *Александр Христофорович Востоков* (1781–1864), основатель нового направления в языкознании, автор учебников, поэт, переводчик, археограф, палеограф и хранитель рукописей. Своими трудами он положил прочное основание славянской филологии, а любовь к русскому языку заставила его даже поменять родную фамилию Остенек на фамилию Востоков. Он один стоил всей Российской академии и стал украшением Академии наук⁵².

Из действительных членов Российской академии Уваров присоединил к отделению тех русских ученых, которые посвятили себя изучению России. *Константин Иванович Арсеньев* (1789–1865) — один из основоположников российской системы статистики; военный историк *Александр Иванович Михайловский-Данилевский* (1789–1848) — автор первой официальной истории Отечественной войны 1812 г., написанной по заданию Николая I.

Уваров соединил в отделении непримиримых оппонентов: в состав ОРЯС вошли, с одной стороны, *Михаил Тимофеевич Каченовский* (1775–1842) — родоначальник и глава русской скептической школы в историографии, отрицавший достоверность летописей, с другой стороны, историки официального направления *Михаил Петрович Погодин* (1800–1875) и *Петр Григорьевич Бутков* (1775–1857), выступавшие защитниками самобытности начальной русской летописи и древнейшей русской культуры.

Чиновник Министерства народного просвещения, бывший секретарь Российской академии *Дмитрий Иванович Языков* (1773–1845) был известен главным образом как переводчик, издатель и комментатор исторических памятников. В Академию наук он перешел в своей прежней должности: он был назначен делопроизводителем отделения (док. 13).

Уваров посчитал необходимым укрепить новое отделение профессорами словесности двух ведущих университетов страны, Петербургского и Московского, и назначил академиками *Петра Александровича Плетнева* (1792–1865) и *Ивана Ивановича Давыдова* (1794–1863).

Адъюнктами Уваров сделал профессоров русской словесности *Михаила Петровича Розберга* (1804–1874) из Дерптского университета и *Сте-*

⁵² В.И. Срезневский, биограф А.Х. Востокова, отмечает: «Болезненный, слабый, не имея возможности получить того образования, какое ему было нужно, он все-таки одолел препятствия и вышел на свою дорогу, хотя и не всеми признанный, не всеми усвоенный и понятый. Как истинный ученый, он и не добивался такого признания. Он не выставлял своих заслуг, не смотрел презрительно на обративших по науке, как обычно смотрят мнѣшие о себе люди, и благодаря этому чванные своими знаниями посредственности нередко затирали его; они свысока судили о его трудах, позволяли себе покрикивать на него в заседаниях Академии, перечеркивать его рукописи, понижать цену при оплате его сочинений. Но давно забыты эти важные чиновные знатоки, а память о скромном, молчаливом и заикающемся старце стоит перед потомством ясной и светлой»: *Срезневский В.И.* Первые сорок лет жизни и трудов Востокова. Пг., 1915. С. 21.

пана Петровича Шевырева (1806–1864) из Московского университета и двух активных сотрудников Археографической комиссии — историков и археографов Якова Ивановича Бередникова (1793–1854) и Павла Михайловича Строева (1796–1876).

На заседаниях Общего собрания (Конференции) академики занимали места по старшинству вступления их в это звание. С разделением Академии на отделения в каждом из них соблюдался тот же порядок. Так как академики по Отделению русского языка и словесности в высочайшем повелении об утверждении их в этом звании были названы по азбучному порядку, то, кроме председательствующего, который должен был сидеть возле вице-президента, академики занимали места в алфавитном порядке. Если на заседаниях присутствовал митрополит, то ему уступали место вице-президент и председательствующий (док. 18).

25 действительным членам бывшей Российской академии, не попавшим в число академиков и не имевшим звания почетных членов Академии наук, было присвоено звание почетных членов Отделения русского языка и словесности. Однако после 1841 г. это новое звание никому больше не давалось, а со смертью последнего почетного члена ОРЯС Б.М. Федорова в 1875 г. оно прекратило свое существование.

Председательствующий в отделении

Отделение русского языка и словесности сосредоточилось на одной области знания — славяно-русской филологии, и, в отличие от двух других отделений, в нем отсутствовало разделение на специальности. Благодаря близкой связи отдельных дисциплин, составлявших предмет занятий отделения, члены его представляли собой ученую коллегия, где каждый научный вопрос в большей или меньшей степени затрагивал специальности каждого участника. Своего рода объединяющим центром отделения был его председательствующий, который служил связующим звеном между отделением и сторонними учеными.

Согласно «Положению» об отделении, председательствующий избирался президентом Академии наук и утверждался министром народного просвещения на два года. В отличие от остальных членов отделения, председательствующий получал жалованье наравне с членами двух других отделений — 1429 руб. 60 коп. серебром в год.

Не было ничего неожиданного в том, что первым председательствующим был назначен П.А. Ширинский-Шихматов, для которого эта должность, может быть, и была создана.

Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853) имел большой опыт в практической администрации. Ревнитель православия и усердный сын церкви, он разделял литературные воззрения А.С. Шишкова и в свое время пришелся по сердцу седовласому старцу. Когда в 1824 г. Шишков был назначен министром народного просвещения, он сделал Ширинского-Шихматова «своим правым ухом и правой рукой», по отзыву

современников⁵³. Отставка Шишкова в 1826 г. никак не отразилась на положении Ширинского-Шихматова, который продолжал занимать высшие должности в министерстве.

Его положение еще более укрепилось с приходом нового министра, друга его юности, С.С. Уварова. Ширинский-Шихматов был преданным единомышленником Уварова, был «сладок в речах, добродетелен, сострадатель и точен; что токмо брался делать, легко все обозревал, отлично на все составлял суждение благогласно»⁵⁴. Уваров нашел в нем способного исполнителя своих распоряжений и в 1834 г. поставил во главе Археографической комиссии, в 1841 г. назначил председательствующим созданного их совместными усилиями Отделения русского языка и словесности, и, наконец, в 1842 г. сделал товарищем министра. П.М. Строев, хорошо знавший Ширинского-Шихматова по деятельности в Археографической комиссии, говорит, что он, «как чистый бюрократ, не был способен понимать интересов науки, ученые затруднения разрешал самовластием и был, так сказать, олицетворенная канцелярская форма»⁵⁵.

По словам самого Ширинского-Шихматова, у него не было «ни своей мысли, ни своей воли»⁵⁶, всю свою жизнь он был тенью своего начальника и неукоснительно выполнял его предписания. В ОРЯС Ширинский-Шихматов передавал волю Уварова, который наметил основные задачи для петербургской и московской групп академиков: в Петербурге должны были заняться изданием словаря русского языка, в Москве — позаботиться о подготовке русской грамматики.

Ширинский-Шихматов сделал первые распоряжения относительно порядка занятий отделения и организации его «инфраструктуры». Первое заседание отделения пришлось перенести с ноября на декабрь из-за того, что на Неве не установился лед: оно состоялось 23 декабря 1841 г. На этом заседании Ширинский-Шихматов предложил на рассмотрение членов ОРЯС план занятий отделения. Прямые обязанности академиков он разделил на исследования индивидуальные, или особенные, и труды совокупные, в которых участвуют все или многие из членов отделения и за которые отделение отвечало в полном своем составе. Совокупные, или коллективные, труды касались, прежде всего, нужд отечественного просвещения: отделение должно было позаботиться об издании словаря русского языка и русской грамматики (док. 21).

Хотя Отделение русского языка и словесности было многочисленным, в его непосредственной работе принимали участие в лучшем случае 7 действительных членов (К.И. Арсеньев, П.Г. Бутков, Я.И. Беренников, А.Х. Востоков, П.А. Плетнев, П.А. Ширинский-Шихматов, Д.И. Языков).

⁵³ Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина. 1896. Т. 87. № 7. С. 178.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Письмо П.М. Строева А.А. Кунику от 14 марта 1858 г. Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 568.

⁵⁶ Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1 (1826–1857). М., 1955. С. 392. Запись 13 декабря 1854 г.

Поэтому уже при открытии отделения председательствующий позаботился об усилении его научного состава и получил разрешение Уварова пригласить к постоянному участию в трудах отделения своих коллег по словарному комитету Российской академии: почетного члена Академии наук В.А. Поленова и почетных членов ОРЯС М.Е. Лобанова и И.С. Кочетова. К концу 1840-х гг. все трое были возведены в звание ординарных академиков.

Ширинский-Шихматов назначил отделению собираться для совместного обсуждения текущих дел один раз в неделю по субботам, т. е. вдвое чаще, чем это делали Физико-математическое и Историко-филологическое отделения, собиравшиеся на свои заседания один раз в две недели; Общее собрание всех членов Академии проходило один раз в месяц. Заседания ОРЯС проводились не в Академии наук, а на квартире Ширинского-Шихматова.

8 членов ОРЯС проживали за пределами Петербурга. Пять московских членов вызвались деятельно участвовать в общих занятиях отделения, которое с признательностью приняло это предложение и составило из них Московскую временную комиссию, возложив на нее составление русской грамматики (док. 23). В Московскую группу входили Каченовский, Погодин, Строев, Давыдов и Шевырев. Главным деятелем комиссии был ее председатель академик И.И. Давыдов. После того, как в 1847 г. Давыдов переехал в Петербург, обезглавленная Московская комиссия была закрыта.

В 1849 г. С.С. Уваров был уволен с должности министра народного просвещения, и его место занял П.А. Ширинский-Шихматов, который был «не предприимчив и робок»⁵⁷. В истории министерства это был редкий случай нарушения иерархии, подчинения начальника своему бывшему подчиненному. С.С. Уваров не перенес этого унижения, с ним сделался удар, от которого он так и не оправился.

Вступив в должность министра, П.А. Ширинский-Шихматов сложил с себя обязанности председательствующего в ОРЯС.

В 1850 г. Ширинский-Шихматов передал свои полномочия председательствующего в ОРЯС *Василию Алексеевичу Поленову* (1776–1851), который фактически «исправлял» эту должность с сентября 1849 г. (док. 54). Питомец академической гимназии, большую часть жизни он служил в Коллегии иностранных дел, где был управляющим департаментом хозяйственных дел и занимался разбором и приведением в порядок архива. В 1834 г. Поленов был назначен управляющим Государственным архивом, учрежденным при Министерстве иностранных дел, который открывался очень немногим. В 1840-е гг., по отзыву Н.Г. Устрялова, которому удалось туда проникнуть, Поленов был уже «человек старый, тяжелый, большой формалист»⁵⁸. Свои досуги Поленов посвящал литературным

⁵⁷ Письмо П.А. Плетнева П.А. Вяземскому 14 (26) февраля 1850 г. // Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Имп. Академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885. С. 403.

⁵⁸ *Устрялов Н.Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 17. № 8. С. 629. Ср. отзыв П.А. Плетнева: «При жизни я меньше уважал его, потому что нескончаемые его вежливости превращали в китайскую сцену